

ЛИТЕРАТУРА

УДК: 1751

Джанумов С.А.

Московский городской педагогический университет

НАРОДНЫЕ ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ В ПИСЬМАХ А.С. ПУШКИНА К ЖЕНЕ

S. Dzhaniyev

Moscow City Teacher Training University

FOLK PROVERBS AND SAYINGS IN THE LETTERS OF A.S PUSHKIN TO HIS WIFE

Аннотация: В статье рассматриваются случаи употребления и функции пословиц и поговорок в письмах А.С. Пушкина к жене. Эти письма – существенная часть его эпистолярного наследия, важная для изучения фольклоризма, личности, событий и фактов жизни поэта, его семейного быта, его взаимоотношений с Натальей Николаевной Пушкиной.

Пословицы и поговорки естественно и органично входят в текст писем, приводятся в связи с определённой жизненной ситуацией, т.е. именно так, как они бытуют в народе. Представленный материал показывает тесную связь между эпистолярным наследием Пушкина и его творчеством, поскольку многие из народных изречений, встречающихся в его письмах к жене, творчески им использованы в его художественных произведениях.

Ключевые слова: фольклоризм, пословицы, поговорки, письма, употребление, творческое использование.

Abstract: The cases of usage and functions of proverbs and sayings in A.S. Pushkin's letters to his wife are considered in the article. These letters are essential part of his epistolary heritage, which is important for studying of folklorism, personality, events and facts of poet's life, his family life, his relations with Natalia Nicolaevna Pushkina. Proverbs and sayings naturally and organically come into the text of the letters, are cited in the connection of his life, i.e. just so, as they exist in people's life. The material presented in the article demonstrates the close connection between A.S. Pushkin's epistolary heritage and his creative work, because many of folklore adages, that can be found in his letters to his wife, are used by him in the creative way in his fiction.

Key words: folklorism, proverbs, sayings, letters, usage, creative usage.

В данной статье рассматриваются функции пословиц и поговорок в письмах А.С. Пушкина к жене. Эти письма – существенная часть его эпистолярного наследия, важная для изучения творческих замыслов, фольклоризма, личности, событий и фактов жизни поэта, его семейного быта, его взаимоотношений с Натальей Николаевной Пушкиной.

Как отмечает современный фольклорист В.Г. Смолицкий, «употребление Пушкиным пословиц и поговорок в письмах имеет свою закономерность: круг адресатов, получавших такие письма, очень узок» [9, с. 19]. Далее исследователь приводит список лиц, в письмах к

которым встречается, как правило, одно народное изречение, и особо оговаривает, что только «в письмах к П.А. Вяземскому и Н.Н. Пушкиной поэт иногда приводит по 2-3 пословицы и поговорки в одном и том же письме. Определённая тенденция ясна: это письма к близким людям» [9, с. 20]. Но поскольку В.Г. Смолицкого интересовало прежде всего использование указанного фольклорного жанра в художественном творчестве Пушкина, то исследователь приводит только единичные факты употребления пословиц и поговорок в письмах поэта к жене.

Лишь один абзац посвящает пословицам, встречающимся в письмах поэта к Наталье Николаевне, в приложении – сопроводительной статье – к книге «А.С. Пушкин. Письма к жене» Я.Л. Левкович: «Пушкин играет словами, широко пользуется пословицами. В письмах к жене их особенно много: «Знаешь ли ты, что есть пословица: На чужой стороне и старушка божий дар» (19 сентября 1833 г.); «Взялся за гуж, не говори, что не дюж – то есть: уехал писать, так пиши же роман за романом, поэму за поэмой» (19 сентября 1833 г.); «Вот вся тайна кокетства. *Было бы корыто, а свиньи будут*» (30 октября 1833 г.); «Пожалуй-ста, не сердись на меня за то, что я медлю к тебе явиться. Право, душа просит; да мошна не велит» (около 26 июля 1834 г.) (при цитировании писем и художественных произведений Пушкина сохраняются орфографические и пунктуационные принципы [7]. – С. Д.)» [6, с. 100]. Как видим, современный исследователь автобиографической прозы и писем А.С. Пушкина в цитируемой статье только констатирует факт обращения поэта к пословицам в письмах к жене и ограничивается четырьмя народными изречениями, которые показательны, с её точки зрения, как «игра» Пушкина «словами». Да Я.Л. Левкович и не ставила перед собой задачу исследовать способы, которыми Пушкин вводит пословицу в текст письма.

Уже не раз исследователями эпистолярного наследия А.С. Пушкина отмечался тот любопытный и показательный факт, что

письма поэта к Наталье Николаевне, когда она была ещё его невестой, написаны, за редким исключением, по-французски, тогда как письма к ней, уже как к своей жене, все без исключения, написаны по-русски, где «разговорный язык перебивается просторечием, церковно-славянизмами, французскими фразами. Пушкин любит энергию простонародных выражений. Не боясь оскорбить светское ухо своей жены, он безоговорочно вводит простонародную лексику в текст...» [6, с. 100].

Эта «энергия простонародных выражений» во многом достигалась за счёт обильного включения в текст писем поэта к жене народных пословиц и поговорок. Уже в одном из первых писем к Н.Н. Гончаровой (от 11 октября 1830 года из Болдина), ещё как невесте, в конце письма (написанном, против обыкновения не по-французски, а по-русски) Пушкин в одной фразе употребляет сразу две пословицы: «Дело в том, что для друга *семь вёрст не крюк*; а ехать прямо на Москву значит *семь вёрст киселя есть*... (здесь и ниже пословицы и поговорки в письмах и художественных произведениях Пушкина выделены мною курсивом. – С. Д.)» [6: с. 15] (ср.: «Для друга и семь верст не околица»; «Семь вёрст, киселя есть» [10, с. 92; 235]).

Можно только догадываться, почему в этом месте письма Пушкин переходит с французского языка на русский: по-видимому, он считал, что невозможно адекватно передать колорит и смысл русских пословиц на иностранном языке. Да и высказать своё горячее желание во что бы то ни стало увидеть невесту и свою досаду из-за невозможности пробиться к ней через многочисленные карантинные, выставленные по дороге из Болдина в Москву из-за холеры, поэту, конечно, сподручнее было на родном языке.

В следующем письме к Н.Н. Гончаровой (около (не позднее) 29 октября 1830 года из Болдина) от начала до конца написанном по-русски, Пушкин в полушутливой форме так поясняет необходимость в некоторых письмах переходить к русскому просторе-

чию: «Милостивая государыня, Наталья Николаевна, я по-французски браниться не умею, так позвольте мне говорить вам по-русски, а вы, мой ангел, отвечайте мне хоть по-чухонски, да только отвечайте» [6, с. 16].

Начав семейную жизнь, во время непродолжительных отъездов из дома Пушкин пишет письма своей жене только по-русски, нередко употребляя в них пословицы и поговорки в связи с той или иной ситуацией. Так, в письме к Н.Н. Пушкиной (около (не позднее) 16 декабря из Москвы, рассердившись, что слуги допустили к ней бедного, но надоедливому и бездарному писателю Н.И. Фомина, который накануне Нового года обходил Петербург и за свои стихотворные поздравления получал деньги от сердобольных хозяев домов, Пушкин выражает свою досаду при помощи известной пословицы: «Как смели пустить к тебе Фомина, когда ты принять его не хотела? да и ты хороша. Ты *пляшешь по их дудке*; платишь деньги, кто только попросит...» [6: с. 27] (ср. у В.И. Даля: «Заставить плясать по своей дудке (под свою погудку)» [5, с. 834]).

О том, что такие анекдотические ситуации с Н.И. Фоминым и его новогодними поздравлениями были довольно типичны для дворянского Петербурга, вспоминает в своих мемуарах А.О. Смирнова-Россет: «Был некий Фомин, писавший каждый год кучу стихов к празднованию Нового года. Он приносил мне эти стихи, говоря: «Вам, сударыня первой». Я ему давала 35 рублей. Он делал круг по городу, и на эти средства жил, несчастный бедняга. *Нужда научит*» [8, с. 444]. Показательно, что в связи с этим изворотливым третьестепенным писателем мемуаристке тоже приходит на ум русская пословица (ср. у И.М. Снегирёва: «Нужда научит Богу молиться»; «Нужда научит Фому говорить и горшки узнавать и водицу варить» [10, с. 200]).

Постоянно останавливаясь в Москве у П.В. Нащокина, Пушкин через поговорку в одном из писем жене (от 16 декабря 1831 года из Москвы) даёт колоритное описание обстановки дома своего друга: «...Нащ.<окин>

занят делами, а дом его такая бестолочь и ералаш, что *голова кругом идет*» [6, с. 28] (ср. у В.И. Даля: «Подумаешь умом – и головушка кругом. Голова кругом идёт» [5, с. 488]). Пушкин очень любил эту поговорку, не раз употреблял её в своих письмах и в художественных произведениях. Так, в письме к своему младшему брату Льву от 24 января 1822 года из Кишинёва поэт замечает: «Ты говоришь, что Гнедич на меня сердит, он прав – я бы должен был к нему прибегнуть с моей новой поэмой (имеется в виду поэма «Кавказский пленник». – С. Д.) – но у меня шла *голова кругом* – от него не получал я давно никакого известия...» [7, XIII, с. 35-36]. Та же поговорка в связи с конфликтом поэта с новороссийским генерал-губернатором М.С. Воронцовым встречается в письме Пушкина к П.А. Вяземскому от 24-25 июня 1824 года из Одессы: «Я поссорился с Воронцовым и завёл с ним полемическую переписку, которая кончилась с моей стороны просьбою в отставку. Но чем кончат власти ещё неизвестно <...>. А у меня *голова кругом идёт*» [7, XIII, с. 98]. В конце письма к В.А. Жуковскому, рассказывая ему о неприятной семейной ситуации с отцом (отец поэта – Сергей Львович – прилюдно обвинил А.С. Пушкина, что тот поднял на него руку. – С. Д.), Пушкин опять-таки вспоминает эту поговорку: «Признаюсь, мне немного на себя досадно, да, душа моя, – *голова кругом идёт*» [7, XIII, с. 117]. В письме поэта к П.А. Вяземскому (13 и 15 сентября 1825 года. Из Михайловского в Москву) Пушкин, раскрывая ему лицемерный характер «царской милости» – позволения лечить аневризм в Пскове, говоря о своих многочисленных заботах, ссылается на свою любимую пословицу: «Душа моя, по неволе *голова кругом пойдёт*» [7, XIII, с. 226].

В письме поэта к жене (около (не позднее) 30 сентября 1832 года. Из Москвы в Петербург), рассказывая ей о своих творческих планах и замыслах, Пушкин, между прочим, замечает: «Мне пришёл в голову роман («Дубровский». – С. Д.), и я вероятно за него примусь; но покамест *голова моя кругом идёт*

при мысли о газете (поэт намеревался издавать политическую и литературную газету. – С. Д.)» [6, с. 34]. В письме поэта к жене (20 и 22 апреля 1834 года. Из Петербурга в Москву) Пушкин, беспокоясь о её состоянии здоровья, вспоминает эту поговорку: «Ты <...> теперь лежишь враспяжку в истерике и лихорадке. Вот что меня тревожит, мой ангел. Так что *голова кругом идёт*...» [6, с. 52]. Примерно через месяц в письме к жене от 12 мая 1834 года из Петербурга Пушкину опять приходит на ум эта поговорка, на этот раз в связи с хозяйственными заботами поэта: «У меня *голова кругом идёт*. Не рад жизни, что взял имение, но что делать?» [6, с. 56]. В письме к жене (около (не позднее) 25 сентября 1834 года. Болдино) Пушкин, беспокоясь за Наталью Николаевну, которая осталась «без денег» с детьми на руках и с бестолковыми няньками, ещё раз употребит эту поговорку: «У тебя, чай, *голова кругом идёт*» [6, с. 72]. И, наконец, в конце письма к мужу своей сестры Ольги Сергеевны – Н.И. Павлицеву (13 июля 1836 года. Петербург), досаждавшему поэту бесконечными просьбами денежного характера, Пушкин опять-таки сошлется на любимую поговорку: «Здесь у меня *голова кругом идет*, думаю приехать в Михайловское, как скоро немножко устрою свои дела» [7, XVI, с. 139].

Если говорить о художественных произведениях Пушкина, то не раз встречающаяся в письмах поэта поговорка «Голова кругом идёт» дважды упоминается и там. В «Борисе Годунове» князь Шуйский, узнав от Афанасия Пушкина о появлении в Польше самозванца, говорит ему: «Всё это, брат, такая кутерьма, / Что *голова кругом пойдет* невольню» (здесь и ниже курсив мой. – С. Д.)» [7, VII, с. 40]. А в повести «Выстрел» граф, оправдываясь, что он во время второй дуэли с Сильвио согласился на его предложение во второй раз кинуть жребий (хотя это противоречило дуэльным правилам, так как первый выстрел был за Сильвио), ссылается на эту поговорку: «Сильвио опустил руку <...>. – «Начнём сызнова; кинем жребий, кому стрелять пер-

вому». *Голова моя шла кругом*... . Кажется я не соглашался...» [7, VIII, с. 73-74].

В письме к жене от 22 сентября 1832 года из Москвы Пушкин использует сразу две поговорки. Одну в самом начале письма, когда он просит Наталью Николаевну не сердиться на него за то, что не сразу написал ей по приезду в Москву: «*Не сердись*, жёнка; *дай слово сказать*. Я приехал в Москву, вчера в среду» [6, с. 29] (ср. у И.М. Снегирева: «Не спеши казнить, дай слово вымолвить» [Снегирёв: с. 193]). В конце письма, беспокоясь за жену, которую он оставил одну с грудной дочерью Машей на попечение слуг, в том числе и повара Петра, Пушкин в связи с последним вспоминает (в несколько видоизменённой форме) поговорку: «Я же всё беспокоюсь, на кого покинул я тебя! на Петра, сонного *пьяницу*, который *спит, не проспится*, ибо он и *пьяница и дурак*...» [6, с. 29] (ср. у И.М. Снегирёва: «Пьян проспится, а дурак никогда» [10, с. 226]; у В.И. Даля: «Пьяный проспится, а дурак никогда» [5, с. 795]).

В письме к жене от 30 сентября 1832 года из Москвы Пушкин приводит и отрывок из русской народной песни, и поговорку. Шутливо признаваясь в своей зависти к «жёнам друзей моих», которые не так красивы, как Наталья Николаевна, поэт замечает: «Я только завидую тем из них (своим друзьям. – С.Д.), у коих супруги не красавицы, не ангелы прелести, не мадоны (как известно, Н.Н. Пушкиной посвящено стихотворение «Мадона» (1830). – С. Д.) etc. etc. Знаешь русскую песню –

Не дай бог хорошей жены,
Хорошу жену часто в пир зовут.
А бедному-то мужу *во чужом пиру похмелье*, да и в своём тошнит» [6, с. 33].

Здесь Пушкин цитирует две строки из лирической семейной песни «Как за церковью, за немецкою...», которая сохранилась в его собственноручной записи в одной из его рабочих тетрадей. Вот её полный текст по записи поэта:

Как за церковью, за немецкою,
Добрый молодец богу молится:
– Как не дай, боже, хорошу жену, –
Хор<ошу> ж<ену> в честной пир зовут,
Меня, молодца, н е п р и м о л в и л и
(пригласить.<Прим. Пушкина>)
Мол<оду> ж<ену> – в новы саночки,
Меня, молодца, – на запяточки.
Мол<оду> жену – на широкий двор,
Меня, молодца, – за вороточки [4, с.188].

Пословица же, приведённая в этом письме поэта, довольно часто встречается как в живой речи, так и в фольклорных сборниках, например: «В чужом пиру похмелье» [10, с. 75]. Ранее Пушкин уже ссылался на эту поговорку в письме к П.А. Вяземскому от 1 июня 1831 года из Царского Села. Считая, что для России «мятеж Польши есть дело семейственное, старинная, наследственная распря...», и, осуждая европейские правительства за их демонстративное сочувствие польскому восстанию 1831 года и призывы к вооружённому вмешательству в русско-польские военные действия, Пушкин пишет своему другу: «Конечно, выгода почти всех правительств держаться в сем случае правила non-intervention (невмешательства (франц.). – С. Д.), т. е. избегать в чужом пиру похмелья; но народы так и рвутся, так и лаят» [7, XIV, с. 169].

Сразу две колоритные народные поговорки упоминаются в одной из начальных фраз письма Пушкина к жене из Москвы (около (не позднее) 3 октября 1832 года): «Русский человек в дороге не переодевается и, доехав до места свинья свиньею, идёт в баню, которая наша вторая мать» [6, с. 34].

Первая из этих поговорок будет использована ещё раз в романе «Дубровский» (над которым Пушкин начал работать 21 октября того же 1832 года) для характеристики физической и моральной нечистоплотности одного из гостей Троекурова – помещика Спицына. Желая унижить Спицына и зная, что тот безропотно снесёт все насмешки, Троекуров пренебрежительно замечает: «Знаем мы вас;

куда тебе деньги тратить, дома живёшь свинья свиньей, никого не принимаешь, своих мужиков обдираешь, знай копишь, да и только» [7, VIII, с. 193]. Вторая поговорка также часто употребляется в живой разговорной речи. Она зафиксирована и в сборнике В.И. Даля: «Когда б не баня, все б мы пропали. Баня – мать вторая» [5, с. 584].

Пушкин полагал, что привычка париться в бане, особенно после долгой и утомительной дороги, принадлежит к числу укоренившихся национальных обычаев русского народа (вспомним окончание его заметки «<О народности в литературе>» (1825-1826): «Есть образ мыслей и чувствований, есть тьма обычаев, поверий и привычек, принадлежащих исключительно какому-нибудь народу» [7, XI, с. 40]). Для Пушкина всё это настолько очевидно, что, приведя поговорку «Баня – наша вторая мать», он спрашивает жену: «Ты разве не крещёная, что всего этого не знаешь?» [6, с. 34].

В письме к жене от 2 сентября 1833 года из Нижнего Новгорода приведена всего одна (несколько видоизменённая) поговорка: «Сказать ли тебе словечко, утерпит ли твоё сердечко?» [6, с. 40]. Она предваряет юмористическое описание эпизода с «некоторой городничихой», которая приняла поэта за стационарного зрителя и требовала от него тройку лошадей. Затем, догадавшись, что Пушкин не зритель, она, как иронически замечает поэт, решила «...путешествовать под моим покровительством, на что я великодушно согласился» [6, с. 41]. А чтобы Наталья Николаевна не вздумала ревновать и не заподозрила поэта в дорожной интрижке с городничихой, Пушкин заканчивает этот фрагмент письма шутивным признанием: «Ты спросишь: хороша ли городничиха? Вот то-то что не хороша, ангел мой Таша, о том-то я и горюю. – Уф! кончил. Отпусти и помилуй» [там же]. Точного соответствия приведённой Пушкиным в этом письме поговорок в фольклорных сборниках мною не найдено, но в сборнике В.И. Даля есть близкая по смыслу поговорка: «Сказал бы сло-

вечко, да волк недалечко» [5, с. 413]. Ранее, в романе «Арап Петра Великого», боярин Ржевский через эту поговорку выражает своё недовольство нововведениями Петра I и самим царём. Но Пушкин в этом своём письме, в точности повторив первую часть поговорки, находит ей другое, почти песенное продолжение.

Ещё одна широко известная поговорка приведена Пушкиным в письме к жене от 19 сентября 1833 года из Оренбурга. В начале письма поэт признаётся: «... мне тоска без тебя». Но поскольку цель его поездки в Оренбург творческая, он тут же замечает: «Кабы не стыдно было, воротился бы прямо к тебе, ни строчки не написав. Да нельзя, мой ангел. *Взялся за гуж, не говори, что не дюж* – то есть: уехал писать, так пиши же роман за романом, поэму за поэмой» [6, с. 43] (ср. у И.М. Снегирева: «Взявшись за гуж, не говори, что не дюж» [10, с. 60]).

Почти через месяц в письме к Наталье Николаевне от 21 октября 1833 года из Болдина Пушкин ещё раз вспомнит эту поговорку и в том же контексте: «Но не жди меня прежде конца ноября; не хочу к тебе с пустыми руками явиться, *взялся за гуж, не скажу, что не дюж*» [6, с. 47]. Кстати, раз уж мы заговорили об этом письме, там же встречаются ещё две поговорки: «Видно, Огорев охотник до Пушкиных (имеется в виду гвардейский прапорщик Н.А. Огарёв, который «приволакивался» за Натальей Николаевной, о чём она, вероятно, писала поэту в не дошедшем до нас письме. – С. Д.), дай бог ему *ни дна ни покрывки!*» [6, с. 47]; «О себе тебе скажу, что я работаю лениво, [я] *через пень колоду валю*» [там же] (ещё раз Пушкин вспомнит эту поговорку и тоже в связи со своим творческим «бесплодием» в письме к П.А. Плетнёву из Михайловского (около (не позднее) 11 октября 1835 года): «... такой бесплодной осени отроду мне не выдавалось. Пишу, *через пень колоду валю*» [7, XVI, с. 56]).

В том же письме к жене от 19 сентября 1833 года из Оренбурга, в самом конце, Пушкин ссылается на ещё одну поговорку. Гово-

ря о том, что он не ухаживает за местными представительницами прекрасного пола («и на днях отказался от башкирки, несмотря на любопытство, очень простительное путешественнику») поэт в связи с этим вспоминает шутивное народное изречение: «Знаешь ли ты, что есть поговорка: *На чужой стороне и старушка божий дар*. То-то, жёнка. Бери с меня пример» [6, с. 43-44] (ср. у В.И. Даля: «На чужой стороне и старушка божий дар» [5, с. 325]).

Продолжение этой темы (но уже без использования соответствующих поговорок) мы находим в следующем письме Пушкина к жене от 2 октября 1833 года из Болдина, где, предупреждая её ревнивые подозрения, поэт, опять-таки в шутивном тоне, докладывает: «Честь имею донести тебе, что с моей стороны я перед тобою чист, как новорожденный младенец. Дорогою волочился за одними 70 и 80-летними старухами, а на молоденьких <---> шестидесятилетних и не глядел» [6, с. 44].

В письме к жене от 30 октября 1833 года из Болдина (как и в предыдущих письмах) поэт предостерегает Наталью Николаевну от кокетства с мужчинами и в связи с этим приводит поговорку: «Вот вся тайна кокетства. *Было бы корыто, а свиньи будут* (курсив Пушкина. – С. Д.). К чему тебе принимать мужчин, которые за тобою ухаживают? не знаешь, на кого нападешь» [6, с. 48] (ср. у М.И. Михельсона: «Было бы корыто (в корыте), а свиньи найдутся» и варианты этой поговорки: «Было бы болото, черти будут», «Было бы пиво, а гости будут», «Был бы хлеб, а зубы сыщутся», «Были бы крошки, а мышки будут» [3, т. 1, с. 83]).

Приведённая выше поговорка встречается в романе «Дубровский», работать над которым (так его и не завершив) Пушкин перестал в том же 1833 году. Там эту поговорку вспоминает старый кучер Антон, везущий Владимира Дубровского в Кистенёвку: «Господа съезжаются к нему (Троекурову. – С. Д.) на поклон, и то сказать, было бы корыто, а свиньи-то будут» [7, VIII, с.174]. О том, что эта поговорка была одной из люби-

мых и наиболее употребительных у Пушкина свидетельствовал Н.В. Гоголь в «Выбранных местах из переписки с друзьями» (1847): «Пушкин, когда видел заботу не о главном, но о том, что уже исходит из главного, обыкновенно выражался пословицей: “Было бы корыто, а свиньи будут”» [2, с. 352].

В письме к жене от 20 и 22 апреля из Петербурга в Москву Пушкин вспоминает сразу две пословицы. Говоря о трёх царях, которых ему пришлось видеть на своём веку, поэт особенно выделяет «третьего», т. е. Николая I: «третий хоть и упёк меня в камер-пажи под старость лет, но променять его на четвёртого не желаю; *от добра добра на ищут*» [6, с. 52] (ср. у И.М. Снегирёва: «От добра добра не ищут» [10, с. 297]).

Вторая пословица приводится в том месте письма, где Пушкин задумывается о будущем своего старшего сына, сознательная жизнь которого, как полагал поэт, придётся на царствование наследника престола – великого князя Александра Николаевича, впоследствии Александра II: «Не дай бог ему (т. е. Александру Александровичу Пушкину (1833-1914. – С. Д.) идти по моим следам, писать стихи да ссориться с царями! В стихах он отца не перещеголяет, а *плетью обуха не перешибёт*» [6, с. 52] (ср. у И.М. Снегирёва: «Плеть обуха не перебьёт» [10: с. 213]).

Вторую из приведённых в этом письме пословиц Пушкин уже использовал ранее, в своём романе «Дубровский», в одной из реплик кучера Антона, обращённых к Владимиру Дубровскому: «Не наше холопье дело разбирать барские воли, а ей-богу, напрасно батюшка ваш пошёл на Кирилла Петровича, *плетью обуха не перешибёшь*» [7, VIII, с. 174].

В самом начале письма к Наталье Николаевне от 30 апреля 1834 года из Петербурга в Москву Пушкин, используя известную пословицу, оправдывается перед женой за свою досаду и даже злость в предыдущем письме от того же дня (поэт был недоволен тем, что Наталья Николаевна ездила на бал к жене московского генерал-губернатора – княгини Т.В. Голицыной): «Жена моя милая, жен-

ка мой ангел – я сегодня уж писал тебе, да письмо моё как-то неудалось. *Начал я было за здравие, да свёл за упокой*. Начал нежностями, а кончил плюхой. Виноват, жёнка» [6, с. 55] (ср. варианты этой пословицы у Снегирёва: «Начали гладью, а кончили гадью»; «Начал за здоровье, а свёл за упокой» [10, с. 175]). Ту же пословицу Пушкин употреблял и ранее в своей поэме «Домик в Коломне» (1830), где в строфе XV он даёт такую характеристику русской народной песне:

Фигурно иль буквально: всей семьёй,
От ямщика до первого поэта,
Мы все поём уныло. Грустный вой
Песнь русская. Известная примета!
Начав за здравие, за упокой
Сведём как раз... [7, V, с. 87].

Одной из любимых русских поговорок Пушкина была поговорка «жить припеваючи». Её он неоднократно употреблял как в своих письмах, так и в художественных произведениях. Так, в конце письма к жене из Петербурга (около 5 мая 1834 года), говоря о том, что ему из-за недостатка средств поневоле придётся отказаться от расходов на содержание родителей и выплату долгов своего младшего брата Льва Сергеевича, поэт замечает: «Откажусь ото всего – и стану *жить припеваючи*» [6, с. 56].

Ранее Пушкин использовал эту же поговорку в другом письме к Наталье Николаевне от 8 октября из Болдина («Коли царь позволит мне Записки (имеются в виду пушкинские «записки о Пугачеве», при издании названные «История Пугачевского бунта». – С. Д.), то у нас будет тысяч 30 чистых денег. Заплотим половину долгов, и *заживём припеваючи*» [6, с. 45]); в письме к своему другу П.В. Нащокину (около (не позднее) 25 февраля 1833 года из Петербурга: «Дай бог мне зашибить деньгу, тогда авось тебя выручу..., заведём мельницу в Тюфлях (П.В. Нащокин намеревался приобрести у генерала А.Д. Балашова его имение под Москвой – Тюфили. – С. Д.), и *заживёшь припеваючи...*»

[7, XV, с. 50]); в письме к П.А. Плетнёву от 13 января 1831 года из Москвы («То ли дело в Петербурге! *заживу* себе мещанином *припеваючи...*» [7, XIV, с. 143]); в романе «Арап Петра Великого» («Не печалься, красавица наша, – сказала карлица <...>; дом у вас будет как полная чаша, *заживёшь припеваючи...*» [7, VIII, с. 32]); в «Истории села Горюхина» («...обитатели работали мало, а жили *припеваючи...*» [7, VIII, с. 137]).

В письме к жене от 26 мая 1834 года из Петербурга, отвечая отказом на её просьбу приехать к ней в Ярополец, где она гостила с детьми у матери – Н.И. Гончаровой, поэт ссылается на известную русскую пословицу: «Ты зовёшь меня к себе прежде августа. *Рад бы в рай, да грехи не пускают*. Ты разве думаешь, что свинский Петербург не гадок мне? что мне весело в нём жить между пасквилями и доносами?» [6, с. 58]. Пушкин в это время интенсивно работал над «Историей Петра I» и потому не мог покинуть Петербург, о чём он и пишет ниже в том же письме: «Ты спрашиваешь меня о Петре? идёт помаленьку; скопляю матерьялы – привожу в порядок...» [6, с. 58].

Ту же пословицу он использует ещё раз в письме к жене несколькими месяцами позже (около (не позднее) 14 июля 1834 г. Петербург), опять-таки объясняя невозможность приехать к Наталье Николаевне в Ярополец раньше половины августа, на этот раз из-за сдачи в типографию «Истории Пугачевского бунта»: «Я печатаю Пугачева; это займёт целый месяц <...>. Я сплю и вижу, чтоб к тебе приехать, да кабы мог остаться в одной из Ваших деревень под Москвою, так бы богу свечку поставил; *рад бы в рай, да грехи не пускают*» [6, с. 67] (см. тот же вариант пословицы у И.М. Снегирёва: «Рад бы в рай, да грехи не пускают» [10, с. 237]).

Ещё раз оправдываясь перед женой в связи с невозможностью приехать к ней в фамильное имение Гончаровых – Полотняный завод – из-за чтения корректуры двух томов «Истории Пугачёвского бунта» и прося её не сердиться, Пушкин в письме из Петербурга (около (не позднее) 26 июля 1834 года) ссы-

ляется сразу и на пословицу, и на поговорку: «Пожалуй-ста не сердись на меня за то, что я медлю к тебе явиться. Право, *душа просит; да мошна не велит*. Я работаю до низложения риз...» [6, с. 68] (ср. у В.И. Даля: «Не душа лжет (или: солгала), мошна (о честном неплательщике); «Не душа вертится, мошна» [5, с. 99]; у М.И. Михельсона: «До положения риз (иноск.) – в сильной степени, окончательно» [3, т. 1, с. 257]).

Первую из приведённых пословиц Пушкин, в несколько измененной форме, использовал и ранее, в письме к М.П. Погодину от начала ноября 1830 года из Болдина: «... я не смею надеяться заплатить Вам: не я лгу, и не мошна лжёт – лжёт холера и прилыгают 5 карантинных нас разделяющих» [7, XIV, с. 122].

В последнем из дошедших до нас писем поэта к жене – от 18 мая 1836 года из Москвы – Пушкин по-своему обыгрывает ещё одну известную пословицу. Говоря о приниженности, угодливости, «благоразумии» современной молодёжи, которая готова покорно снести все оскорбления из-за сиюминутной выгоды, Пушкин пишет: «По мне драка ... гораздо простительнее, нежели <...> благоразумие молодых людей, которым плюют в глаза, а они утираются батистовым платком, смекая, что если выдет история, так их в Аничков не позовут (речь идёт о придворных балах в Аничковом дворце в Петербурге для узкого круга приглашённых и близких ко двору лиц. – С. Д.)» [6, с. 81] (ср. у М.И. Михельсона: «Хоть плюй в глаза, и то Божья роса» [3, т. 2, с. 475]).

О том, что такое поведение было в то время достаточно распространённым явлением, свидетельствует комедия Н.В. Гоголя «Женитьба» (1833-1841), где в одной из реплик Кочкарёва также слышится отголосок приведённой выше пословицы. Кочкарёв искренне считает, что нет ничего зазорного, если даже плюнут в глаза, лишь бы добиться своего: «Да что же за беда? Ведь иным плевали несколько раз, ей богу! Я знаю тоже одного: прекраснейший собой мужчина, румянец во всю щёку; до тех пор егозил и надоедал сво-

ему начальнику о прибавке жалованья, что тот наконец не вынес – плюнул в самое лицо, ей-богу! «Вот тебе, говорит, твоя прибавка, отвяжись, сатана!» А жалованья, однако, всё-таки прибавил. Так что ж из того, что плюнет? Если бы, другое дело, был далеко платок, а то ведь он тут же в кармане – взял да и вытер» [1, с. 39-40].

В том же письме к жене Пушкин вспоминает ещё одну поговорку. Сообщая Наталье Николаевне о том, что художник К.П. Брюллов в 10-х числах января 1836 года по распоряжению Николая I **вернулся в Москву** из Италии, где он пробыл 13 лет, Пушкин замечает: «Брюллов сей час от меня. Едет в П.<етер>Б.<ург> скрепя сердце; боится климата и неволи. Я стараюсь его утешить и ободрить; а между тем у меня у самого *душа в пятки уходит* (курсив мой. – С. Д.), как вспомню, что я журналист» [6, с. 81] (ср. у Даля: Сердце ёкнуло. Душа в пятки ушла» [5, с. 273]). Боязнь Пушкина вызвана тем, что, узнав в середине января 1836 года о высочайшем разрешении издавать журнал «Современник», он опасался цензурных придинок и «полицейских выговоров».

Мы привели далеко не все случаи обращения Пушкина к народным пословицам и поговоркам в его письмах к жене, поскольку были связаны ограниченным объёмом статьи. Но и рассмотренный материал позволяет сделать некоторые выводы. Во-первых, введение пословиц и поговорок в письма Пушкина способствовало в эпистолярном жанре свободной и непринуждённой манере повествования, максимально приближающейся к живой разговорной речи. Пословицы естественно и органично входят в текст писем, приводятся в связи с определённой жизненной ситуацией, т. е. именно так, как они бытуют в народе. Эта особенность пословиц уже давно подмечена в русском фольклоре: «Красна речь с притчею (с поговоркой)»; «Пословица недаром молвится»; «Добрая пословица не в бровь, а в самый глаз»; «На всякое слово есть пословица» [5, с. 971-972]. Во-

вторых, письма к жене со всей очевидностью подтверждают тот факт, что Пушкин знал и помнил довольно большое количество русских пословиц и поговорок, которые в той или иной форме (часто перефразированной) мы находим в его эпистолярном наследии. В-третьих, представленный в данной статье материал показывает тесную связь между эпистолярным наследием Пушкина и его творчеством, поскольку многие из народных изречений, встречающихся в его письмах к жене, творчески им использованы в его художественных произведениях.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: в 14-ти тт. – Т. V. – Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – 511 с.
2. Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: в 14-ти тт. – Т. VIII. – Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – 815 с.
3. Михельсон М.И. Русская мысль и речь: Свое и чужое: Опыт русской фразеологии: Сборник образных слов и иносказаний: в 2-х тт. – М.: ТЕРРА, 1994. – Т. 1. – 781 с.; Т. 2. – 832 с.
4. Песни, собранные писателями. Новые материалы из архива П.В. Киреевского. – Литературное наследство. – Т. 79. / Редакторы тома: С.А. Макашин, А.Д. Соймонов, К.П. Богаевская. – М.: Наука, 1968. – 679 с.
5. Пословицы русского народа. Сборник В. Даля. – М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1957. – 991 с.
6. Пушкин А.С. Письма к жене. Издание подготовила Я.Л. Левкович. – Л.: Наука, 1987. – 260 с. (Серия «Литературные памятники»).
7. Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: в 16-ти тт. – [Б. м.]: Изд-во АН СССР, 1937 – 1949. Римскими цифрами обозначен том, арабскими – страница этого издания.
8. Смирнова-Россет А.О. Дневник. Воспоминания / Издание подготовила С.В. Житомирская. – М.: Наука, 1989. – 789 с. (Серия «Литературные памятники»).
9. Смолицкий В.Г. Пословицы и поговорки в творчестве А.С. Пушкина // Проблемы взаимосвязи литературы и фольклора: Межвузовский сборник научных трудов. – Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1984. – С. 19-25.
10. Снегирёв И.М. Русские народные пословицы и притчи. / Издание подготовил Е.А. Костюхин. – М.: Индрик, 1999. – 624 с. (Традиционная духовная культура славян / Издание памятников).